

ЖИВАЯ СТАРИНА

Журнал о русском фольклоре и традиционной культуре

СОДЕРЖАНИЕ

РЕГИОНАЛЬНЫЙ ФОЛЬКЛОР: ТОТЕМСКИЙ РАЙОН ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ

- А. В. Кузнецов.* Топонимические предания Тотемского Окологорода 2
О. Д. Сурикова. Представления о доле покойника в культурно-языковой традиции
 Русского Севера 5
В. С. Кучко, М. О. Леонтьева. Лук в лингвокультурной традиции
 восточной Вологодчины 8
Е. С. Коган, П. А. Рожкова. Тотемская хронимия и лексика календарной обрядности 11

«СВОЕ» И «ЧУЖОЕ» В МЕЖКУЛЬТУРНОМ ДИАЛОГЕ

- Е. Д. Бондаренко.* «Чук, глек да мовангель»: о способах имитации «чужого» говора
 в фольклорной традиции Русского Севера 15
С. Е. Никитина. В мире верхокамских старообрядцев (из воспоминаний) 18
А. В. Гура. Межэтничность в зеркале народной культуры Подлясья 21
Д. А. Трынкина. Эвгемеристическая теория о саамах как прообразе персонажей
 низшей мифологии Британских островов 24
Н. С. Петрова. «Враги народа» в советском неподцензурном фольклоре:
 слухи об одном «шпионе» 27

НАРОДНЫЙ КОСТЮМ

- Д. В. Солдатенкова.* Эволюция сарафана во второй половине XIX — начале XX в.
 (по материалам фондов ГМЗ «Царицыно») 30
К. В. Чеботарёв. Народный костюм в собраниях краеведческих музеев
 Волгоградской области 33
В. А. Шилкин. Традиционная одежда казаков XX в. (по материалам экспедиций
 в Волгоградскую и Ростовскую области) 35

ГОРОДСКОЕ ПРОСТРАНСТВО В ФОЛЬКЛОРЕ

- А. Б. Мороз, Н. В. Петров.* О проекте «Фольклорная карта Москвы» 38
А. Б. Мороз. Зачем нужны памятники 41
Н. В. Петров. Памятники в пространстве Москвы 44
А. И. Стрельцов. Почитаемое дерево в парке «Сокольники» 48
М. В. Ахметова. Из неофициальной топонимии Старой Руссы 49

В КАБИНЕТЕ УЧЕНОГО

- М. А. Енговатова.* Взгляд на мой фольклористический путь 53

ЭКСПЕДИЦИИ

- Г. П. Пилипенко, М. В. Ясинская.* Из календарной обрядности словенцев в Италии 55
Н. С. Андреева. Экспедиционные поездки Фольклорно-этнографической школы
 на Дону в 2017 г. 59

ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ

- Л. Н. Виноградова.* Два украинских издания по народной культуре:
 Гуцульщина и Полесье 62
С. В. Алпатов. Сисиниева легенда: комплексное исследование 64
С. М. Толстая. Язык и культура польских гуралей 66
О. В. Трефилова. Новая литература по фольклору, этнографии, этнолингвистике 68

НАУЧНАЯ ХРОНИКА

- Е. К. Малая.* XVII Международная школа-конференция по фольклористике,
 социолнгвистике и культурной антропологии 69
Е. В. Минёнок. Конференция «Фольклор и Великая российская революция 1917 года» 71

Издание осуществлено при финансовой поддержке Министерства культуры Российской Федерации

Главный редактор

О. В. Белова, доктор филол. наук;
Институт славяноведения РАН

Редколлегия:

С. В. Алпатов, канд. филол. наук, доцент,
Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова

М. В. Ахметова (зам. главного редактора),
канд. филол. наук, Государственный
Российский Дом народного творчества
им. В. Д. Поленова

Д. А. Баранов, канд. ист. наук, Российский
этнографический музей

Л. Н. Виноградова, доктор филол. наук,
Институт славяноведения РАН

М. А. Енговатова, канд. искусствоведения,
профессор, Российская академия
музыки им. Гнесиных

А. Б. Мороз, доктор филол. наук, профессор,
Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»

С. Ю. Неклюдов, доктор филол. наук,
профессор, Российский государственный
гуманитарный университет

В. Я. Петрухин, доктор ист. наук, профессор,
Институт славяноведения РАН,
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

И. А. Разумова, доктор ист. наук, Центр
гуманитарных проблем Баренц-региона
Кольского научного центра РАН

С. М. Толстая, академик РАН, Институт
славяноведения РАН

человеческими поступками людей» [3. С. 10]. Такая категоризация существенно сужает проблематику, связанную с фольклорным осмыслением городского пространства. Выделение в городском пространстве чудесных, святых, страшных мест, или, как принято называть все такого типа места в сетевом дискурсе, *мест силы*, несомненно, важно и имеет для понимания городского пространства существенное значение, но сводить их все к этому было бы опрометчиво. Значительное количество локусов — это просто места, иногда обладающие для горожан нулевой семантикой (как парковая скульптура), с ними связано минимальное количество практик (например, только фотографирование с объектом или демаркация объектом территории), иногда вызывающие интерес, удивление, смех, недоумение.

Все такие объекты тоже, несомненно, важны для понимания того, как горожане и туристы воспринимают московское пространство.

Примечания

¹ См. примеры личных и семейных историй про дома в книге [13].

² Такие книги пользуются популярностью, отчасти в связи с большим количеством электронных копий. Например, сборник Гиляровского легко ищется в электронном виде, его отсканированные и распознанные версии находятся в свободном доступе. Кроме того, «Москва и москвичи» в 2013 г. вошла в список 100 книг, рекомендованных Министерством образования и науки РФ школьникам для самостоятельного чтения [15].

³ Ср.: «В каждом районе были свои колоритные или просто не похожие на других личности. Взять хотя бы детей в центре города. На Кузнецком мосту я часто встречал “дурачка” Ваню, худого, горбоносого, ростом не менее двух метров <...>. На Сретенке можно было встретить девочку, страдавшую каким-то редким заболеванием. Лицо девочки было в морщинах. Ее так и называли “старуха”. Другая девочка, упитанная, круглолицая, в любой мороз

ходила по улице в одном платье. Говорили, что у нее два сердца и поэтому ей всегда жарко» [1. С. 167–168].

⁴ В терминах Г. Дженкинса культура соучастия подразумевает, во-первых, участие в различных сообществах, во-вторых, поддержку других членов сообществ в производстве и распространении текстов, в-третьих, неформальный контроль «менторов», в-четвертых, совместное творчество [20].

⁵ Стиль текста Трубилиной чрезвычайно похож на повествование Коровиной — герой и заметки, и книги фланирует по Москве, встречая призраков прошлого и рассказывая о них читателю.

⁶ Возможно, только популярная «Битва экстрасенсов» телеканала ТНТ выпадает из разряда «недоверенных» источников — показанному в ней, по словам наших информантов, доверяют. Входящая в десятку самых рейтинговых передач федеральных каналов, «Битва» цитирует и встраивает в медиаконтекст «страшные» и «опасные» места Москвы (и не только), а просмотр таких передач в целом актуализирует в устной традиции уже известные темы и ритуалы.

⁷ Благодарим О. В. Белову за указанные сведения.

Литература

1. *Андреевский Г.* Москва. Сороковые года. М., 2001.
2. *Артемьева М.* Темная сторона Москвы. М., 2011.
3. *Веселова И. С.* Заметки к фольклорной карте Москвы // ЖС. 1997. № 3. С. 10–12.
4. *Гиляровский В. А.* Москва и москвичи. М., 1989.
5. *Громов Д. В., Ипполитова А. Б.* Карта человеческих желаний, или Записки у стен московского монастыря // Традиционная культура. 2011. № 3. С. 76–87.
6. Долой царя! // Ностальгин: Прошлое. Люди, события, артефакты. 2010. 12 окт. http://www.nostalgin.ru/2010/10/blog-post_12.html.
7. *Коровина Е.* Москва мистическая. М., 2012.
8. *Лотмановский сборник.* [Вып.] 2 / [Сост. Е. В. Пермяков]. М., 1997.

9. *Майер (Кукатова) А. С.* Московские городские легенды как исторический источник: историческая память и образ города: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2008.

10. *Мороз А. Б.* Почитание могилы Ивана Яковлевича Корейши в Москве // ЖС. 2014. № 1. С. 9–12.

11. *Московские легенды, записанные Евгением Барановым.* М., 1993.

12. *Москва и «московский текст» русской культуры.* М., 1998.

13. *Опарин Д., Акимов А.* Истории московских домов, рассказанные их жителями. М., 2017.

14. *Петров Н. В.* Современный мегаполис в устных рассказах и неинституализованных ритуалах («Фольклорная карта Москвы») // Ситуация постфольклора: городские тексты и практики / Сост. М. В. Ахметова, Н. В. Петров. М., 2015. С. 64–88.

15. Письмо Министерства образования и науки РФ от 16 января 2013 г. № НТ-41/08 «О перечне “100 книг” по истории, культуре и литературе народов Российской Федерации» // Информационно-правовой портал «Гарант». <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70200292>.

16. *Попов А.* Все тайны Москвы. М., 2010.

17. *Пыляев М. И.* Старая Москва. М., 2007.

18. *Трубилина М.* Московские легенды // Российская газета. 2004. 26 янв. № 3388 (0). Цит. по электронн. версии: <https://rg.ru/2004/01/26/legendy.html>.

19. *Чудакова М.* Нехорошая лестница. М., 2009.

20. *Jenkins H., Purushotma R., Weigel M., Clinton K., Robison A. J.* Confronting the challenges of participatory culture: Media education for the 21st century. Cambridge; London, 2009.

21. *Moroz A.* The Folklore Map of Moscow Project // Intangible heritage of the city. Musealisation, preservation, education / Ed. by M. Kwieńciscka. Kraków, 2016. P. 17–27.

Авторская работа Н. В. Петрова, являющаяся частью статьи, выполнена при поддержке Российского научного фонда, проект № 16–18–00068 «Мифология и ритуальное поведение в современном российском городе».

Андрей Борисович Мороз,

доктор филол. наук, Национальный исследовательский ун-т «Высшая школа экономики» (Москва)

ЗАЧЕМ НУЖНЫ ПАМЯТНИКИ

В разговорной речи слово *памятник* используется в значении несколько более широком, чем словарное («архитектурное или скульптурное сооружение в память или в честь какого-либо лица или события» [8. С. 86]): скульптурное сооружение отнюдь не обязательно должно быть установлено в память о человеке или со-

бытии, чтобы называться памятником. Пространство современных городов часто оживляется скульптурными изображениями, не имеющими конкретных прототипов и не преследующими цели увековечить их память. Так, памятником в собственном смысле слова едва ли могут быть названы скульптурные изображения «Прикуруивающий» и «Незна-

комка» в Михайловском сквере Минска. Н. Г. Брагина отмечает «семантическое расширение слова *памятник*». Его «можно описать примерно следующим образом: памятник создается как шутовское, игровое напоминание о людях, животных, событиях, вещах» [1. С. 30]. Хочется, однако, подчеркнуть, что при всем распространении за последние лет 25 шутовских, иронических «публичных» (термин Н. Г. Брагиной) памятников весьма часто можно встретить и серьезные. Важно или отсутствие объекта мемориализации, или несоответствие его стандартным представлениям. Национальный корпус русского языка дает

такие словоупотребления: «Так, кстати стоит очень забавный памятник козе!» (Отзывы туристов о Нижнем Новгороде, 2013–2015); «С недавних пор в центре Ижевска стоит памятник крокодилу» (О. Андреева. Человек, которого нельзя называть // Эксперт online, 2013) и т.п. В полевых материалах из Краснодара, опубликованных И. Ю. Васильевым, приводится гневное высказывание одного жителя в отношении уличной скульптуры «Собачкина столица»: «...получается, ничего важнее собак не было!» [2. С. 29]. Автор работы, скульптор В. Пчелин, отвечал на критику так: «Я везде повторяю, что это не памятник. У нас всегда были одни памятники, и люди по привычке принимают собачек за очередной из них. “Собачкина столица” — это игровая юмористическая городская скульптура, навеянная литературным произведением»¹.

Приведенные примеры демонстрируют, что слово *памятник* означает любой тип уличной скульптуры. Можно предположить, что причина — в отсутствии удобного и однословного обозначения такого явления, возможно, вследствие того, что и сама уличная скульптура совсем недавно приобрела широкое распространение. Итак, любая уличная пластика может именоваться *памятником*, будь то памятник студенческим приметам в Москве (район Марьино), памятник Святой Троице в Ярославле, памятник «Щас спою» (волку — персонажу мультфильма «Жил-был пес») в трех сибирских городах: Красноярске, Томске и Ангарске — и т.д.

Впрочем, памятники, действительно увековечивающие личность или событие, стали массовым явлением тоже не так давно — в 1918 г., когда в рамках предложенной Лениным («Монументальной пропаганды») (программа развития монументального искусства, подразумевающая его использование в качестве важнейшего агитационного средства, как проводника коммунистической идеологии) осуществлялась массовая установка памятников революционерам, общественным деятелям, а также известным писателям, ученым, художникам, композиторам и артистам. До того времени число памятников было совсем незначительным. В это время, по-видимому, отношение к памятникам было не таким, как сейчас. Во всяком случае в художественной литературе отсутствие пиетета и даже некоторая фамильярность по отношению к монументам описывается исключительно как нарушение нормы, влекущее страшные последствия. Многочисленные Доны Жуаны (АТУ 470А), Евгений из «Медного всадника» становятся жертвами грозного изображения, позволяя себе выразить непочтительное отношение к нему. Статуи оживают или потому, что они слишком «живы», или потому,

что не могут терпеть нечестия (об оживающих статуях см.: [4; 6; 7; 9] и др.). Тут, вероятно, играет роль не только то обстоятельство, что памятники — это изображения сильных мира сего. Они подавляют и размером, и принадлежностью прототипа иному — загробному миру². Отголосок этой темы находим у Александра Галича в «Ночном дозоре» (1963): «повторенный тысячекратно» «одинокий памятник», который «даже в прахе хранит обличье», грозен и страшен и былым величием, и тем, что выходит из небытия по ночам, и каннибальскими пристрастиями: «Им бы, гипсовым, человечины...».

Вторая тенденция в описании памятников, в чем-то схожая с первой, в чем-то противоположная ей, заключается в изображении памятника как «мертвечины». Начало этому положил Маяковский в стихотворении «Юбилейное» (1924). Вступая в диалог с памятником Пушкину как с живым человеком (и даже весьма фамильярно, что как раз и карается в «Каменном госте» и других текстах на сюжет АТУ 470А, а также в «Медном всаднике»), лирический герой стремится подчеркнуть удивительную живость Пушкина, несмотря на то что он — памятник, и даже вопреки этому. Тему подхватит и продолжит Высоцкий в «Памятнике» (1973): умерший лирический герой превращается в памятник и сам себя не узнает, потому что «в обычные рамки я всажен — / на спор вбили, / а косую неровную сажень / распрямили». В любом случае соприкосновение с памятником или превращение в таковой понимается как соприкосновение со смертью, что уже само по себе должно вызывать у живого человека трепет и негодование.

Возможно, описанное выше отношение к памятникам отчасти зависело и от их размеров: традиционно высокий постамент делал их недоступными, нависающими над человеком, подавляющими своими размерами и расположением. Патетика, заложенная в саму идею памятника, величие, вознесение над людьми и повседневному пространством — отличительная черта памятников прошлого. Литературный персонаж, восстающий против памятника, т.е. не испытывающий к нему пиетета, нарушает норму, за что может быть наказан (Дон Гуан, Евгений).

Фольклор ведет себя иначе. Не терпя никакого пафоса, он целенаправленно снижает его там, где тот видится чрезмерным, подменяя смехом или фамильярностью. Фольклорное отношение к памятникам, а затем и к любой другой пластике в общественном пространстве по большей части носит смеховой характер, хотя есть и обратные примеры: потрогать скульптуру или оставить у нее / на ней монету — такие действия обычно совершаются «на счастье». Впрочем, гра-

ница между смеховым и серьезным здесь весьма шатка. Одни и те же действия могут носить вполне серьезный и откровенно смеховой характер — в зависимости от интенций и «веры» исполнителя. Классические памятники — высокие и величественные, недостижимые для человека, по крайней мере без больших усилий; физическая недостижимость компенсируется доступностью для слова. Шутки в отношении памятников составляют несколько тематических групп. Первая группа текстов объясняет внешние особенности памятника («По одной версии, Сталин, по другой — некий старорежимный академик архитектуры, оглядев статую [Юрия Долгорукого в Москве], сказал: “Не мог русский князь на кобыле ездить!” За ночь срочно сделали и приделали что нужно и исправили кобылу на коня» [5. С. 422]; Медный всадник: «Петр I сидел на коне на берегу Невы и сказал: “Все Бога и мое”. Сказал и перепрыгнул Неву. А потом сказал: “Все мое и Бога”. И окаменел» [Там же]; Богдан Хмельницкий в Киеве: «Разгромил Богдан польских шляхтичей и вернулся с победой в город. Въехал на коне на горку, а вокруг тысячи людей. Он вытянул перед собой булаву и произнёс: “Здоровеньки булы, грамадяны украинци!” В ответ прозвучало: “Здгаствуй, товагищ Богдан!” Тут он и окаменел» [5. С. 424]).

Но памятники — это не только застывшие живые. Они могут, наоборот, оживать, приходиться из небытия. И, ожив, действуют как люди — спускаются вниз, становятся обыкновенными — на этом основан смеховой эффект анекдота о Пушкине: «Стоит мужик возле памятника Пушкину. Полвторого ночи. Вдруг слышит сверху голос: “Эй, мужик! Постой тут за меня полчаса, а?”» Далее мужик, не дождавись возвращения классика, идет его разыскивать и в милицейском участке узнает о его задержании: «Представляешь, ходил тут по улицам, ловил голубей и на головы им срал!» [5. С. 425].

Положение памятников в пространстве тоже становится объектом комментирования. Обращает на себя внимание, в частности, соотношение памятника с каким-либо рядом расположенным объектом, в том числе с другим памятником. Широко известна шутка, комментирующая взаимоотношения Медного всадника и памятника Николаю I: «Глупый умного догоняет, да Исаакий мешает». Диалог между тремя памятниками, расположенными в Калуге вдоль ул. Кирова, комментирует не только расположение, но и внешний вид памятников: Циолковский, стоящий на пл. Мира (в начале ул. Кирова) рядом с большой ракетой (явно ассоциирующейся здесь с фаллосом), произносит, обращаясь к Кирову, стоящему посередине улицы его имени: «Гляди, какая баба!» Бабой

назван монумент победы: «Высокий белый обелиск 9 мая 1973 года увенчала семиметровая бронзовая фигура Родины-Матери, держащей в руках символы Калуги — космический спутник и ленту извилистой реки Оки, на которой построен город»³. Монумент стоит на той же площади, что и венерологический диспансер, поэтому Киров — суровый коренастый мужчина в военной форме — отвечает Циолковскому: «Да ты что, она ж из вендиспансера!» В ответ Победа отзывается с противоположного конца улицы, показывая ленту реки над головой: «А у меня справка!»⁴

Ту же роль адаптации, комментирования, снижения выполняют альтернативные названия памятников. Фигуры Василия Татищева и Вилима де Геннина, основателей и первых губернаторов Екатеринбурга, стоящие на общем постаменте, очень похожие одна на другую и имеющие характерное выражение лиц, получили прозвище «Бивис и Баттхед» по имени героев американского мультсериала. А скульптурная группа у Вечного огня в Сыктывкаре, представляющая трех женщин, держащих подобие венка, но разомкнутого и вытянутого как раз над огнем, получила название «Бабы жарят крокодила». Видимо, это название широко известно, но дополнительной известности ему придало присуждение штрафа в 200 тыс. рублей местному интернет-изданию «7x7» за упоминание этого названия в одной из публикаций⁵.

Шутливые названия памятников часто комментируют определенный ракурс, с которого, считается, нужно смотреть на скульптуру (обычно это подразумевает обценный смысл: какие-либо детали скульптуры видятся как гениталии). Такой репутацией пользуется горельеф, изображающий революционных рабочих, на здании Центральной тяговой электроподстанции метрополитена на Большой Никитской ул. в Москве. Если на него смотреть сбоку, создается впечатление, что один из персонажей занимается мастурбацией. Горельеф получил названия «Половые извращения строителей коммунизма» (1980-е гг.)⁶, «Групповой портрет семьи Маяковских-Бриков»⁷ (возможно, на возникновение такого объяснения повлияла близость Театра им. Маяковского) или «удовлетворил себя, удовлетворил товарища» (1980-е гг.)⁸.

Описанный Маяковским диалог запанибрата с памятником Пушкину напоминает распространенный студенческий ритуал дополнять, украшать или производить еще какие-либо манипуляции с памятником, стоящим у вуза или имеющим к нему какое-то отношение. Выпускники военных училищ надевают на памятники элементы формы, студенты Уральского государственного технического университета в День радио моют статую Александра Попова⁹ и т.д. Подоб-

ное «достраивание» композиции памятников не обязательно распространено среди представителей студенческой субкультуры и не всегда приурочено к календарной дате. Весьма распространен такой вид развлечения, как фото с памятником, когда человек становится частью скульптурной группы, а также попытки «комментирования» композиции памятника, когда к скульптуре прикрепляется какой-либо предмет: статуе Федора Коня в Смоленске вложили в руку пивную бутылку¹⁰, у скульптуры «Прикуривающий» (в Михайловском сквере в Минске) между пальцами часто оказывается настоящая сигарета, а в открытой ладони монеты и др.¹¹ Летом 2003 г. в г. Каргополе на руку Ленину повесили корзину с цветами, обычно стоящую в ногах. Наиболее частотным и универсальным действием по достраиванию композиции памятника оказывается бросание монет: в ладонь «Прикуривающего» в Минске, в блокнот Ватсону в недавно поставленной у Британского посольства скульптуре, изображающей героев фильма о Холмсе, в чашу, стоящую перед скульптурой Святой Троицы в Ярославле, и т.д. Стандартное действие, которое можно наблюдать в связи с множеством других пространственных объектов (водоемов, фонтанов, источников, камней и др.), в случае с памятниками приобретает особый смысл: оно становится частью диалога человека со скульптурой, ответом на информацию, прочитанную в позе, жесте, наборе деталей.

Особый вид диалога с памятником возникает еще в одной совершенно новой ситуации. Не так давно, примерно в начале 2000-х гг., стала распространяться тенденция ставить памятники святым. Она еще не получила широкого распространения, но уже стала известной. Так, в пгт Борисоглебский Ярославской области поставлен памятник преп. Иринарху Ростовскому, подвизавшемуся в монастыре свв. Бориса и Глеба, давшем название поселку. На территории Нило-Столобенской пустыни поставлен памятник св. Нилу. В Петербурге у входа в Тихвинский казачий храм установлены бюсты Николая II (2002 г.), царевича Алексея (2013 г.), царицы Александры Федоровны (2014 г.). Эта ситуация — совершенно непривычная — вынудила людей решать для себя, как относиться к этим изображениям. Часто в таких ситуациях памятник воспринимается как эквивалент писаной или скульптурной иконы и становится объектом поклонения: статую св. Нила целуют, складывают к подножию цветы и монеты, крестятся и молятся перед ней. В Санкт-Петербурге «к памятникам иногда кладут цветы, небольшие букеты, иногда лежит одна или две свечки. <...> Некоторые из прихожан специально подходят к памятникам, перекрещива-

ются на них, молятся, прикладываются рукой / губами к одному бюсту (Николаю) или ко всем по очереди. Однажды было замечено, что пожилая женщина стояла на коленях перед памятниками, молилась и кланялась. Мне удалось узнать у некоторых прихожан, почему они крестятся на памятники, среди ответов звучали объяснения, что это святые, которых следует почитать; что на памятники можно креститься, потому что батюшка их постоянно освящает; памятник ничем не отличается от иконы, поэтому можно креститься, просто в православии почитание скульптур не распространено, а так это вполне нормально. При этом интересно отметить, что батюшка говорит о том, что креститься на памятники не надо, потому что это не принято в православии — необходимо креститься только на иконы и на храм. Об этом же говорят некоторые сотрудницы храма. Однако, по моим наблюдениям, некоторые казаки наравне с прихожанами крестятся на памятники»¹². В отличие от остальных памятников здесь нет места шутливому осмыслению памятника, но сама идея коммуникации с ним есть и здесь.

Создатели неформальных скульптурных изображений вроде дивана Обломова в Ульяновске, Доцента из фильма «Джентльмены удачи» в Москве, сантехника, вылезавшего из люка, в Омске и ряде других городов стимулируют и без того имеющееся желание проявить в отношении скульптуры некоторую фамильярность, а то и сознательно ориентируются на нее, принимая во внимание желание людей сделать памятник своим, близким. Скульпторы уменьшают размеры объектов, располагают их как можно ниже, почти без постаментов, в некоторых случаях (сантехник в люке, памятник студенческому приметам в Москве, отметка нулевого километра и т.д.) располагают скульптуру не выше, как это было принято раньше, а ниже глаз человека, так что нет необходимости смотреть на памятник вверх; напротив — можно посмотреть на него сверху, можно к нему наклониться — это снимает дистанцию между человеком и объектом.

Наконец, современные скульпторы не прочь иногда поэксплуатировать важную для усвоения уличной скульптуры практику поглаживания выступающих или заметных элементов (см. об этом: [3]). Само по себе поглаживание или прикосновение может иметь дополнительный смысл (*на счастье* или конкретнее — на удачу на экзаменах, как в случае со скульптурами на станции метро «Площадь Революции»), а может и не иметь — *так положено*. Начинают появляться специальные пластические изображения, созданные в расчете на то, что их будут трогать, и даже провоцирующие это действие, как «памятник»

женской груди в Батайске, который сопровождают такие рифмованные строчки: «Ты прикоснись ладонью к ней — / Нет способа сейчас верней / Мужскую силу укрепить, / Навечно юность сохрани...»

За последние лет 20–25 памятники (и другая уличная скульптура, которая тоже стала называться памятниками) стали заметно ближе к человеку. Первые шаги в сторону фамильяризации памятников были сделаны именно благодаря появлению обыгрывающих их фольклорных текстов и включению в своего рода игру. Задача этой игры — нейтрализовать излишнюю патетику самого объекта и навязываемого официозом отношения к нему. Высота памятника компенсируется смелостью залезающего на него шутника, официальный статус — оживлением памятника и превращением его персонажа в простого и комичного человека, казенное название — альтернативным анекдотическим. При этом в альтернативной номинации или комментировании памятника неизбежно учитываются все промахи его создателей, в отношении как соответствия оригиналу или исторической действительности, так и того, как скульптура вписывается в окружение (неуместные детали скульптуры, плохая соотносимость с фоном, ландшафтом, репутация места, в котором расположена скульптура). Из свежих примеров подобного рода обсуждений — история с памятником Михаилу Калашникову в Оружейном сквере Москвы. Среди изображенных на постаменте модификаций изобретенного Калашниковым автомата и его чертежей знатоки истории оружия усмотрели чертеж немецкой штурмовой винтовки Хуго Шмайссера. В результате шумного обсуждения чертеж спилили, и скорое исчезновение источника шуток не дало теме сильно развиться, однако в Интернете отголоски слышны и сейчас:

«Что бы мы ни делали, у нас всегда получается автомат Калашникова. За исключением памятника Калашникову, который стал памятником Шмайссеру» (Твиттер-канал «Шутки тети Розы»¹³).

Так выстраивается не только фольклорный образ памятника, но и целая система взаимоотношений людей с ним, часто совсем непростая: регулярно случающиеся кражи Чижика на Фонтанке превратились уже в подобие ритуала, как и попытки вынуть наган из руки революционера на станции метро «Площадь Революции» в Москве. Для успеха своих работ современным скульпторам и архитекторам остается только учесть эти тенденции, немного подыграть, что они иногда с успехом и делают.

Примечания

¹ Помидоров А. Охота на краснодарских «собачек» // Юга [Краснодар]. 2009. 15 сент. <https://www.yuga.ru/articles/culture/5377.html>.

² Известны случаи, когда памятники устанавливались при жизни: в основном они связаны с и без того демонизированной фигурой Сталина; памятники (бюсты), которые ставили Героям Советского Союза при жизни на их родине, кажется, не вызвали широкого общественного резонанса.

³ Памятники Калуги // Калуга-Поиск — портал города Калуга и Калужской области. 2009. 8 окт. <http://www.kaluga-poisk.ru/articles/pamyatniki-kalugi>.

⁴ Полевые материалы автора. Калуга, 2013.

⁵ Журнал заплатит за фразу «бабы жарят крокодила» применительно к Вечному огню // Lenta.ru. 2016. 11 марта. <https://lenta.ru/news/2016/03/11/komi>.

⁶ Самозапись.

⁷ Неприличный горельеф // Большой город. <http://bg.ru/atlas/places/1403>.

⁸ Сообщение О. В. Беловой, 2017 г.

⁹ ДЕНЬ РАДИО. Студенты УГТУ помыли Попова и прошли по главной улице с огнями // JustMedia. 2009. 8 мая. http://www.justmedia.ru/news/society/79365?utm_source=vkontakte&utm_medium=link&utm_campaign=social.

¹⁰ См. иллюстрацию: <http://bigbosses.ru/img/2016/011113/3439850>.

¹¹ Личные наблюдения автора, 2014–2016 гг.

¹² Письменное сообщение Н. А. Савиной, 2016 г.

¹³ <https://twitter.com/ANAKOYNER/status/911841232938205184>, 24 сент. 2017 г.

Литература

1. Брагина Н. Г. Новый вид публичной памяти в современной России: иронические памятники // Механизмы культурной памяти: от фольклора до медиа: Тезисы докл. Междунар. науч. конф. (Москва, РАНХиГС, 27–29 ноября 2014 г.) / Сост. О. Б. Христофорова, Д. И. Антонов, М. В. Ахметова, Н. В. Петров. М., 2014. С. 28–31.

2. Васильев И. Ю. Памятники Краснодар в оценках горожан и современная обрядность // ЖС. 2015. № 3. С. 27–31.

3. Громов Д. В. Стихийная обрядность в городском ландшафте: объекты и практики // Традиционная культура. 2013. № 4. С. 71–82.

4. Жданов С. С. Образ статуи как идола и лже-идола в немецком локусе (на материале поэзии Саши Черного) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 1 (61). Т. 2. С. 181–184.

5. Лурье В. Ф. Памятник в городе: Ритуально-мифологический контекст // Современный городской фольклор / Сост. А. Ф. Белоусов, И. С. Веселова, С. Ю. Неклюдов. М., 2003. С. 420–429.

6. Мусий В. Б. Ожившая статуя как волшебный помощник в рассказе С. Кржижановского «Кунц и Шиллер» // Вісник Одеського національного університету. Сер. Філологія. 2014. Т. 20. Вип. 1 (11). С. 36–44.

7. Назиров Р. Г. Сюжет об оживающей статуе // Фольклор народов России. Фольклор и литература. Общее и особенное в фольклоре разных народов: Межвуз. науч. сборник. Уфа, 1991. С. 24–37.

8. Словарь современного русского литературного языка. Т. 9. М., 1959.

9. Якобсон Р. О. Статуя в поэтической мифологии Пушкина // Якобсон Р. О. Работы по поэтике. М., 1987. С. 145–180.

Никита Викторович Петров,

канд. филол. наук, Российская академия народного хозяйства и гос. службы при Президенте РФ, Московская высшая школа социальных и экономических наук, Российский гос. гуманитарный ун-т (Москва)

ПАМЯТНИКИ В ПРОСТРАНСТВЕ МОСКВЫ

Памятники и монументы зачастую рассматриваются в рамках подходов, связанных с исследованием культурной и исторической памяти, ее трансформации и переопределения. Например, Д. Вертш пишет о конфликтах эстонской и российской нарративных схем: споры о переносе таллинского памятника «Бронзовый солдат» напрямую

показывают конфликт двух памятей: одной — об утраченной и восстановленной национальной независимости, другой — о героической победе и изгнании чужеземного захватчика [20]. «Воплощением» и «ареной истории» называет Бранденбургские ворота в Берлине А. Ассман: «Возникнув в девятые годы XVIII века, Бранденбургские ворота служили гордым

символом мира, завоеванного победой. Но уже в 1806 году после поражения Пруссии от Наполеона это послание было не просто опровергнуто; символическое опровержение отразилось на самом памятнике, чья триумфальная квадрига была доставлена в Париж в виде военного трофея. В 1813 году, после поражения Наполеона в «битве народов» под Лейпцигом, положение вновь изменилось, и скульптурная группа с триумфом вернулась на прежнее место, а Карл Шикель сделал добавление к созданной фон Шадовом фигуре Афины-Виктории, вложив ей в руку железный крест» [3. С. 8]¹. С. А. Еремеева напрямую называет памятники «свидетельствами и свиде-